

Коммуникативная трансформация образа России в СМИ США после присоединения Крыма

The Communicative Transformation of the Image of Russia in the Us Media after the Annexation of Crimea

DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-4-66-76

Получено: 31 мая 2024 г. / Одобрено: 27 июня 2024 г. / Опубликовано: 26 августа 2024 г.

Е.С. Чебыкина

Руководитель проекта,
Автономная некоммерческая организация
«Агентство креативных индустрий»,
Россия, 123104, Москва, Большая Никитская ул.,
строение 17,
e-mail: chebykina.yekaterina@gmail.com

E.S. Chebykina

Head of Project,
Autonomous non-profit organization "Agency of
Creative Industries",
17, Bolshaya Nikitskaya str., building 2, Moscow,
123104, Russia,
e-mail: chebykina.yekaterina@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу коммуникативной трансформации образа России в средствах массовой информации США после присоединения Крыма к РФ в 2014 г. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью информационного противоборства в условиях глобализации и развития технологий, а также значимостью крымских событий как переломного момента в российско-американских отношениях. Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания роли коммуникативных процессов в международных отношениях и их влияния на формирование образа государства. Практическая значимость связана с возможностью применения результатов для анализа и прогнозирования развития отношений России и США. Новизна исследования обусловлена комплексным подходом к анализу трансформации образа России, учитывающим не только политические и социологические, но и лингвистические аспекты. Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов ведущих американских печатных изданий и транскриптов телеканалов за период с 2000-х гг. по декабрь 2014 г. общим объемом около 200 тыс. словопотреблений. В работе применяется метод качественного анализа текста, направленный на выявление доминирующих нарративов, метафор, стилистических приемов и коммуникативных стратегий репрезентации России.

В статье показано, что до украинского кризиса освещение России в СМИ США характеризовалось относительной сбалансированностью, включая как критические, так и позитивные оценки. Однако после присоединения Крыма в медиадискурсе США произошла резкая негативизация образа России, связанная с использованием таких дискурсивных стратегий, как деструктивизация, демонизация, архаизация, персонализация «российской угрозы» в лице Владимира Путина, секьюритизация действий РФ и встраивание крымских событий в контекст глобального идеологического противостояния России и Запада. Данная трансформация осуществлялась с помощью широкого спектра языковых средств, включая негативно окрашенную лексику, метафору, аллюзии, исторические аналогии. Результатом коммуникативной трансформации стало закрепление в американском медиадискурсе стереотипного образа России как авторитарной державы-агрессора, пренебрегающей нормами международного права и несущей угрозу миру.

Ключевые слова: коммуникативная трансформация, образ России, СМИ США, присоединение Крыма, информационное противостояние, демонизация, дискурсивные стратегии.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the communicative transformation of the image of Russia in the American media after the annexation of Crimea to the Russian Federation in 2014. The relevance of the study is due to the increasing role of information warfare in the context of globalization and technology development, as well as the significance of the Crimean events as a turning point in Russian-American relations. The theoretical significance of the work lies in deepening the understanding of the role of communicative processes in international relations and their influence on the formation of the image of the state. The practical significance is related to the possibility of applying the results to analyze and predict the development of relations between Russia and the United States. The novelty of the research is due to a comprehensive approach to the analysis of the transformation of the image of Russia, taking into account not only political and sociological, but also linguistic aspects. The empirical base of the study was made up of a corpus of texts from leading American print publications and transcripts of TV channels for the period from the 2000s to December 2014 with a total volume of about 200 thousand word usage. The paper uses a method of qualitative text analysis aimed at identifying the dominant narratives, metaphors, stylistic techniques and communicative strategies of the representation of Russia.

The article shows that before the Ukrainian crisis, the coverage of Russia in the American media was characterized by a relative balance, including both critical and positive assessments. However, after the annexation of Crimea, there was a sharp negation of the image of Russia in the US media discourse, associated with the use of such discursive strategies as deconstructivization, demonization, archaization, personification of the "Russian threat" in the person of Vladimir Putin, securitization of the actions of the Russian Federation and embedding the Crimean events in the context of global ideological confrontation between Russia and the West. This transformation was carried out using a wide range of linguistic means, including negatively colored vocabulary, metaphors, allusions, and historical analogies. The result of the communicative transformation was the consolidation in the American media discourse of the stereotypical image of Russia as an authoritarian aggressor power, disregarding the norms of international law and posing a threat to the world order.

Keywords: communicative transformation, image of Russia, American media, annexation of Crimea, information confrontation, demonization, discursive strategies.

Введение. В современном мире все более актуализируется феномен противостояния цивилизаций, характеризующийся столкновением культурных, религиозных и идеологических ценностей различных

обществ. На первый план выходит диада США-Россия, являющаяся ярким примером данного противостояния. Несмотря на итоги холодной войны 1945–1991 гг., завершившейся распадом СССР, в научной литера-

туре все чаще встречается понятие второй холодной войны, обозначающее новый виток напряженности в отношениях между двумя державами [20].

Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что в условиях глобализации и развития информационных технологий соперничество между государствами выходит за рамки традиционной гонки вооружений и приобретает характер информационного противоборства. Коммуникативный дискурс становится ключевым инструментом влияния на массовое сознание и формирования ментального образа государства на международной арене. Особую значимость данный аспект приобретает в контексте российско-американских отношений, переломным моментом в которых стали события 2014 г., связанные с присоединением Крыма к России. Данное событие привело к последующей информационной эскалации и трансформации образа России в СМИ США.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении понимания роли коммуникативных процессов в международных отношениях и их влияния на формирование образа государства. Работа вносит вклад в развитие теории коммуникации, политической лингвистики и имагологии. Практическая значимость обусловлена возможностью применения результатов исследования для анализа и прогнозирования развития российско-американских отношений, а также для разработки стратегий информационного противодействия в условиях геополитического соперничества.

Новизна исследования состоит в комплексном подходе к анализу коммуникативной трансформации образа России в СМИ США, учитывающем не только политические, санкционные и социологические аспекты, но и лингвистический контекст. В отличие от существующих работ, акцентирующих внимание преимущественно на содержательной стороне медиадискурса, данное исследование фокусируется на коммуникативных стратегиях и лингвистических средствах конструирования образа государства.

Особую актуальность изучение данной проблематики приобретает в свете текущих событий, связанных с российско-украинским конфликтом и проведением специальной военной операции (СВО). Анализ коммуникативной системы, предшествовавшей эскалации напряженности, позволяет глубже понять истоки и закономерности информационного противоборства, разворачивающегося на наших глазах.

Цель данной статьи заключается в выявлении и анализе ключевых трансформаций образа России в СМИ США после присоединения Крыма в 2014 г. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить теоретико-методологические основы исследования; 2) проана-

лизировать динамику репрезентации России в американском медиадискурсе в контексте украинского кризиса; 3) выявить основные коммуникативные стратегии и лингвистические средства, используемые для конструирования образа России; 4) охарактеризовать специфику трансформации ментальных моделей восприятия России американской аудиторией.

Обзор литературы. Концептуальные основы для изучения проблематики образа страны и роли СМИ в его формировании были заложены в трудах таких исследователей, как Э.А. Галумов [2], О.И. Гордеева [3], Ж. Бодрийяр [1], Г. Меттан [10], Г.Ю. Филимонов [14] и др.

Фундаментальное значение для осмысления роли современных массмедиа в конструировании политической и социальной реальности имеют труды французского мыслителя Ж. Бодрийяра, прежде всего — сборник его работ «Дух терроризма. Войны в Заливе не было» [1]. Философ развивает теорию симулякров — знаков, образов или объектов, не имеющих означаемого в реальности, но воспринимаемых массовым сознанием как истинные. По Бодрийяру, симуляция действительности средствами массовой информации ведет к утрате реальности и созданию параллельного «гиперреального» мира.

Информационное противоборство России и Запада и его исторические корни глубоко и всесторонне анализирует в своей книге «Запад — Россия: тысячелетняя война» швейцарский журналист и общественный деятель Ги Меттан [10]. Автор прослеживает, как на протяжении столетий в западном сознании культивировались негативные стереотипы и предрассудки в отношении России. «Фраза “во всем виновата Россия” стала излюбленным клише авторов передовиц, экспертов, политиков и университетских исследователей на Западе», — отмечает автор. Отдельное внимание в книге уделяется технологиям ведения информационных войн и манипуляции общественным мнением, практикуемым американскими и европейскими СМИ.

Заметный вклад в изучение трансформации имиджа России в медийном дискурсе США вносит статья М.А. Лисихиной «Современный образ России в средствах массовой информации США» [7]. Автор анализирует ряд статей по российской тематике в авторитетных печатных изданиях США: *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Chicago Tribune* и *The Wall Street Journal*. По наблюдениям Лисихиной, для большинства публикаций характерен «общий негативный тон и использование разнообразных речевых актов обвинения» в адрес России. РФ преподносится как авторитарное государство, сворачивающее демократические свободы и подавляющее оппозицию. Доминантой образа российского президента Владимира

Путина является мотив «имперских амбиций». Журналисты активно эксплуатируют исторические параллели, уподобляя российского лидера «реакционерам» Николаю I и Александру III, а также Гитлеру и Сталину. Россия характеризуется как держава-агрессор, стремящаяся к господству над соседними странами и возрождению советской империи. Автор заключает, что СМИ США транслируют устойчиво негативный, демонизированный и конфронтационный образ России, продвигая идеологему «России-врага».

Аналізу репрезентации России в западных СМИ посвящена статья Ю.С. Шишкановой «Образ России в американских СМИ» [13]. Рассматривается роль средств массовой информации как «мощного идеологического оружия», оказывающего решающее влияние на формирование образа иностранного государства в массовом сознании. СМИ, по характеристике автора, не просто транслируют информацию, но интерпретируют события в свете определенной системы культурных ценностей и политических координат. Шишканова анализирует набор лексико-стилистических средств, используемых журналистами для создания отрицательного имиджа России: метафоры из военной сферы («Путин пронзил Украину ножом в сердце»), анималистические образы («русский медведь»), эмоционально-оценочные эпитеты («зловещий», «реакционный»), исторические аналогии и параллели (сравнение политики России с действиями нацистской Германии в 1930-е гг.). Шишкановой представляет интерес как срез техник и приемов манипулятивного воздействия, задействуемых американской прессой для очернения образа России. Метафоризация как медийный инструмент модификации образа России также изучена в работе Н.Л. Грейдиной, в исследовании подчеркивается, что благодаря данной технике, используемой как в заголовках, так и в непосредственно медийных материалах американских СМИ, строится заведомо негативный образ российского государства [4].

Отдельные аспекты коммуникативного конструирования образа России в контексте крымских событий 2013–2014 г. рассматриваются в выпускной квалификационной работе Р.В. Сафаргалиева «Формирование образа России в американских СМИ» [12]. Исследователь концентрируется на эволюции имиджа России в медиапространстве США под влиянием «пятидневной войны» 2008 г., воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. и «дела Скрипалей» в 2018 г. На материале публикаций телеканала *CNN* и газеты *The New York Times* автор показывает, как эти события становились «триггерами» обострения антироссийской риторики и создания образа России как государства-агрессора и нарушителя международного

права. Среди ключевых методов создания отрицательного имиджа России в СМИ США автор называет искажение и подтасовку информации, замалчивание позитивного контекста и акцентирование внимания аудитории исключительно на событиях, в которых РФ предстает в неприглядном свете. К аналогичным выводам приходят и другие российские исследователи: информационные фейки относительно России в американском медийном дискурсе выступают в качестве «альтернативного факта», который искажает действительность в отрицательном направлении, выступая эффективным оружием в ведении информационной войны и медийной агрессии [5; 6].

Ключевое значение для понимания специфики освещения крымской проблематики в СМИ США имеет статья А.П. Машенко «“Русский компонент” образа Крыма в американских СМИ» [8]. Проанализировав корпус публикаций ведущих печатных изданий США, автор приходит к выводу, что образ Крыма в медиадискурсе Америки во многом определяется его прочными историческими, культурными и этническими связями с Россией. Представления западных журналистов о России автоматически переносятся на Крым, рассматриваемый как русскоязычный и пророссийский сепаратистский анклав внутри Украины. Машенко выявляет ключевые характеристики, приписываемые полуострову в американских СМИ: преобладание этнических русских и русскоязычного населения, «непоколебимая лояльность» жителей Крыма по отношению к России, «русскость» региона. При этом «мощный “русский компонент”», с одной стороны, определяет уникальный статус Крыма в составе Украины, а с другой, является «конфликтогенным фактором» в отношениях Киева и Москвы. В то же время, как подчеркивает исследователь, западные СМИ нередко остаются в плену лубочных стереотипов по отношению к России, представляя, например, Севастополь как город, где «русские моряки и православные священники сидят вместе за длинным столом и опрокидывают водку стопку за стопкой». В целом статья Машенко вносит весомый вклад в осмысление технологий имиджмейкинга и установок, лежащих в основе конструирования образа Крыма в американских медиа.

Комплексный анализ образа российского Крыма в американских медиа представлен в статье этого же автора (А.П. Машенко) «Российский Крым в публикациях американских СМИ 2014–2019 годов: технология создания симулякра» [9]. Автор приходит к выводу, что крупнейшие американские издания описывают Крым в соответствии с официальной версией Вашингтона — как оккупированную Россией украинскую территорию. По их версии, полуостров переживает экономический кризис, обусловленный

международными санкциями и блокадой со стороны Украины. Такая оценка ситуации в Крыму, по мнению А.П. Машенко, есть не что иное, как параллельная, вымышленная реальность, симулякр (по Ж. Бодрийяру), сконструированный американскими и европейскими политиками и журналистами в ходе информационной войны против России. Апеллируя к концепции «мягкой силы», автор подчеркивает, что дезинформационная кампания вокруг Крыма является частью более широкой стратегии Вашингтона по ослаблению и дискредитации России в глазах мировой общественности. Статья Машенко не только восполняет пробелы в изучении роли СМИ Соединенных Штатов Америки в формировании международного имиджа Крыма и России, но и намечает перспективы дальнейших исследований этой проблемы (в частности, в плане сравнительного анализа крымского контента различных медиаплатформ, выявления эволюции подходов и оценок журналистов в меняющемся геополитическом контексте).

Обзор научной литературы позволяет заключить, что в последние годы проблема формирования образа России в СМИ США привлекает все большее внимание исследователей. Несмотря на то, что в отдельных исследованиях предлагается прогноз «умеренного оптимизма» в коммуникативном диалоге США и России [11], большинство авторов сходятся во мнении, что доминирующей тенденцией является негативизация и демонизация образа России, которая представляется как авторитарное государство-агрессор, угрожающее демократическому миропорядку. Для конструирования данного образа журналисты применяют широкий спектр манипулятивных приемов — от тенденциозного отбора фактов до использования идеологически маркированной лексики и риторических фигур. Исследователи единодушны в том, что негативизация образа России в американском медиадискурсе обусловлена комплексом факторов — от геополитического соперничества до исторически сложившихся стереотипов и фобий. Создание негативного имиджа России рассматривается как часть более широкой информационной войны, направленной на делегитимацию российского государства на международной арене. Вместе с тем в изученных работах недостаточно внимания уделяется динамике трансформации образа России в исторической перспективе — в частности, до и после присоединения Крыма, которое стало значимой вехой в изменении коммуникативных отношений России и США. Восполнение данных пробелов представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Материалы и методы исследования. Материалом для данного исследования послужил корпус текстов

ведущих американских печатных изданий (*The New York Times*, *The Washington Post*, *The Wall Street Journal* и др.) и транскриптов телевизионных каналов (*CNN*, *Fox News*, *MSNBC*) за период с 2000-х гг. по декабрь 2014 г., из них большую часть публикаций составили материалы СМИ 2013–2014 гг. Всего было проанализировано около 200 публикаций, содержащих упоминания о России в контексте российско-американских отношений, а также украинских событий. Объем корпуса составил около 200 тыс. словоупотреблений.

Выбор временных рамок обусловлен стремлением проследить динамику трансформации образа России в американском медиадискурсе под влиянием присоединения Крыма в марте 2014 г. Рассматриваемый период включает в себя как публикации, предшествовавшие данному событию, так и материалы, вышедшие после него, что позволяет провести компаративный анализ и выявить ключевые изменения в дискурсивных практиках репрезентации России.

Сбор текстового материала осуществлялся методом сплошной выборки с использованием полнотекстовых баз данных *LexisNexis*, *Factiva* и *NewsBank*, а также архивов на официальных сайтах изданий и телеканалов. Критерием отбора публикаций было наличие в них лексических единиц *Russia*, *Russian*, *Putin*, *Crimea* в контексте освещения украинского кризиса и российско-американских отношений. Корпус включает в себя различные жанры медиатекстов: новостные заметки, репортажи, интервью, редакционные статьи, авторские колонки, аналитические обзоры. В работе использовался метод качественного анализа текста. Качественный анализ был направлен на выявление доминирующих нарративов, метафор, стилистических приемов и коммуникативных стратегий, используемых для репрезентации России.

Результаты и дискуссия. Для того чтобы в полной мере осмыслить коммуникативную трансформацию образа России в американских СМИ после присоединения Крыма, для начала нами было рассмотрено, каким образом Россия репрезентировалась в медиадискурсе США в период, предшествовавший данному событию.

В первую очередь необходимо отметить, что в начале 2000-х гг. освещение России в американских СМИ характеризовалось относительной сбалансированностью и присутствием как негативных, так и позитивных оценок. С одной стороны, Россия часто представлялась как страна с нестабильной и шаткой политической и военной системами. Например, в редакционной статье *The New York Times* от 1 февраля 2000 г. *A Look at How the Kremlin Slid Into the Chechen War* («Взгляд на то, как Кремль втянулся в чеченскую войну») отмечалось: «*But it embroiled Russia in a deadly*

*struggle whose outcome remains far from clear» (Это [решение начать Чеченскую кампанию] втянуло Россию в смертельную борьбу, исход которой остается далеко не ясным») [22], — это способствовало формированию образа России как государства, сталкивающегося с серьезными внутренними проблемами и перспективы которого на международной арене достаточно туманны. С другой стороны, в этот период в американских СМИ присутствуют и позитивные оценки происходящих в России изменений, связанных с приходом к власти Владимира Путина и началом экономических реформ. Так, в статье *The Center for American Progress* от 24 июня 2004 г. *The Putin Paradox* («Парадокс Путина») говорилось о признаках возрождения российской экономики: *Many of Putin's economic reforms are impressive. Since becoming president, he and the pro-Putin Duma have passed into law a series of fundamental reforms, including a flat income tax of 13 percent, a reduced profits tax, and new land and legal codes. Under Putin, the Russian government has balanced the budget several years in a row and now no longer relies on Western loans for support.* («Многие экономические реформы Путина впечатляют. С тех пор, как он стал президентом, он и пропутинская дума приняли закон о ряде фундаментальных реформ, включая единый подоходный налог в размере 13 процентов, сниженный налог на прибыль, а также новые земельный и правовой кодексы. При Путине российское правительство несколько лет подряд сбалансировало бюджет и теперь больше не полагается на западные кредиты для поддержки» [23]. Упоминание позитивных экономических тенденций создавали образ России как страны, преодолевающей трудности переходного периода.*

Важной особенностью репрезентации России в американских СМИ в начале 2000-х гг. было акцентирование внимания на личности президента Владимира Путина и позиционирование его как сильного и прагматичного лидера. В публикациях часто подчеркивались такие качества Путина, как решительность, целеустремленность и способность навести порядок в стране [22]. Однако по мере укрепления власти Путина и усиления авторитарных тенденций в России тональность американских СМИ начала меняться в сторону более критического освещения. В ранее упомянутой редакционной статье *The Center for American Progress* от 24 июня 2004 г. *The Putin Paradox* («Парадокс Путина») действия российских властей в отношении Ходорковского, а также в вопросах Чеченской кампании, проведения президентских выборов, функционирования российских СМИ характеризовались — в достаточно экспрессивной форме — как политически мотивированные и нарушающие принципы верховенства закона: *The list of Putin's attacks on democracy is striking in both its range and depth. He*

has conducted an inhumane war in Chechnya, seized control of all national television networks <...> arbitrarily used the law to jail or chase away political foes, removed candidates from electoral ballots, harassed and arrested NGO leaders and weakened Russia's independent political parties. <...> Instead, Putin seems intent on using all means necessary to keep Khodorkovsky. («Снисок атак Путина на демократию поражает как своим размахом, так и глубиной. Он вел бесчеловечную войну в Чечне, захватил контроль над всеми национальными телеканалами <...> произвольно использовал закон, чтобы сажать в тюрьму или прогонять политических противников, исключал кандидатов из избирательных бюллетеней, преследовал и арестовывал лидеров НПО и ослаблял независимые политические партии России. Путин, похоже, намерен использовать все необходимые средства, чтобы удержать Ходорковского») [23]. Использование выражений «бесчеловечная война», «атака на демократию», «произвольное использование закона» свидетельствовало об изменении восприятия путинской России в сторону более критического.

Еще одним важным аспектом репрезентации России в американском медиадискурсе в конце 2000-х — начале 2010-х гг. стало нагнетание алармистских настроений в связи с модернизацией российских вооруженных сил и более решительным отстаиванием Россией своих интересов на международной арене. Так, в статье *The New York Times* от 11 февраля 2007 г. *Putin Says U.S. Is Undermining Global Stability* («Путин заявляет, что США подрывают глобальную стабильность») слова Путина характеризовались следующим образом: *Mr. Putin's speech, with its cold war overtones, clearly articulated a long-held view in Russia that the United States has used its military and economic power to dominate the world at the expense of other nations.* («Речь г-на Путина, в которой слышны нотки холодной войны, четко сформулировала давно укоренившееся в России мнение о том, что Соединенные Штаты используют свою военную и экономическую мощь для того, чтобы доминировать в мире за счет других стран» [29]. Выражение «холодная война» и упоминание «давнего мнения России» о доминировании США способствовали актуализации исторического нарратива о глобальном противостоянии двух сверхдержав и позиционированию России как ревизионистской силы.

Наряду с алармистской риторикой в американском медиадискурсе начала 2010-х гг. присутствовала также тенденция к диффамации и делегитимизации российского политического режима через обвинения в авторитаризме, коррупции и нарушениях прав человека. Особенно ярко эта тенденция проявилась в контексте протестных выступлений в России в 2011–2012 гг., которые были вызваны несогласием

части российского общества с результатами парламентских и президентских выборов. В это время в американских СМИ возникает метафора Путина как «загнанной в угол крысы в Кремле» (*Beware the cornered rat in the Kremlin*), которая «скорее всего набросится и будет бороться за выживание, чем безропотно уступит требованиям своей отставки» (*Mr Putin will more likely lash out and fight for survival than succumb meekly to demands for his resignation*) [18].

Данные тенденции заложили основу для последующей коммуникативной трансформации образа России после присоединения Крыма в 2014 г., когда произошла резкая деструктивизация и демонизация этого образа в американском медиадискурсе.

Если до украинского кризиса Россия позиционировалась как потенциальный партнер США, хотя и с определенными разногласиями, то после 2014 г. акценты сместились в сторону представления России как агрессора и нарушителя международного права. Так, в статье *The New York Times* от 18 марта 2014 г. под заголовком *Putin Reclaims Crimea for Russia and Bitterly Denounces the West* («Путин возвращает Крым России и горько осуждает Запад») Россия обвиняется в «аннексии» Крыма и нарушении суверенитета Украины: *In an emotional address steeped in years of resentment and bitterness at perceived slights from the West, Mr. Putin made it clear that Russia's patience for post-Cold War accommodation, much diminished of late, had finally been exhausted* («В эмоциональном обращении, пропитанном годами негодования и горечи по поводу предполагаемого пренебрежения со стороны Запада, г-н Путин ясно дал понять, что терпение России в отношении компромиссов после окончания холодной войны, которое в последнее время значительно уменьшилось, наконец-то истощилось») [24]. Использование эмоционально окрашенной лексики, апеллирующей к субъективным переживаниям (*resentment, bitterness, slights*), и акцентирование внимания на «постхолодной войне» задает негативную тональность в отношении действий России и представляет их как иррациональные и обусловленные обидой на Запад. В контексте крымских событий подобная риторика способствует закреплению представлений о России как о ревизионистской державе, стремящейся к пересмотру итогов холодной войны.

Кроме того, сам заголовок статьи — *Putin Reclaims Crimea for Russia and Bitterly Denounces the West* — эмоционально настраивает читателя против действий России. Глагол *reclaims* («возвращает») подразумевает восстановление контроля над чем-то, что ранее было утрачено, тем самым имплицитно обозначая Крым как исконную российскую территорию. Предлог *for* указывает на бенефициара этого действия (Россию) и усиливает представление о своекорыстном харак-

тере политики Кремля. Наречие *bitterly* («горько») и глагол *denounces* («осуждает», «обличает») характеризуют реакцию Путина на позицию западных стран как исполненную обиды и негодования, что усиливает впечатление конфликтности и нарастающего отчуждения. Примечательно, что Запад представлен в заголовке как гомогенная сущность (использовано обобщающее местоимение *the*), что контрастирует с фокусом на персональной роли Путина. Тем самым ответственность за обострение отношений возлагается на российского лидера, а западные государства позиционируются как объект неспровоцированных нападков.

Демонизация образа России происходила также через активное использование милитаристской риторики и представление российской политики как угрозы международной (равно европейской и западной) безопасности. В репортаже *CNN* от 2 марта 2014 г. *Russia's military intervention in Ukraine* («Военное вмешательство России в Украину») действия России характеризуются как «военная интервенция», а присутствие российских войск в Крыму описывается в угрожающих тонах: *Russia's parliament signed off on Putin's request to send military forces into Crimea, raising the stakes in a confrontation with the West over the fate of Ukraine*. («Российский парламент подписал запрос Путина о направлении военных сил в Крым, повышая ставки в противостоянии с Западом по поводу судьбы Украины») [21]. Идиоматическое выражение *raising the stakes* («повышая ставки») отсылает к игровой метафоре и представляет ситуацию как своего рода геополитическую партию, в которой Россия решительно идет на обострение. Существительное *confrontation* («противостояние») и предложная конструкция *with the West* эксплицитно указывают на конфликтный характер взаимодействия РФ с западными странами в контексте украинского кризиса. Вынесение в конец предложения обстоятельства *over the fate of Ukraine* придает ему дополнительный смысловой акцент и позиционирует Украину как арену столкновения российских и западных интересов. Тем самым действия России в Крыму вписываются в глобальный геополитический контекст и трактуются как вызов всему евроатлантическому сообществу.

В статье *The New York Times* от 1 марта 2014 г. *Making Russia Pay? It's Not So Simple* («Заставить Россию заплатить? Это не так просто») высказываются опасения, что действия России в Крыму могут дестабилизировать ситуацию в Европе: *American officials worry that the Kremlin's ultimate goal is not so much the annexation of a relatively small peninsula on the Black Sea, but the destabilization of Ukraine, which could ignite a broader conflict in Europe*. («Американские официальные лица опасаются, что конечная цель Кремля заключа-

ется не столько в аннексии относительно небольшого полуострова в Черном море, сколько в дестабилизации Украины, что может разжечь более широкий конфликт в Европе» [17]. Примечательно употребление эмоционально окрашенного глагола *ignite* («разжечь», «воспламенить») в отношении потенциального общеевропейского конфликта. Данный лексический выбор не только усиливает алармистский посыл высказывания, но и метафорически представляет Россию в качестве деструктивной силы, несущей угрозу стабильности и безопасности всего континента. Коннотации слова *ignite* актуализируют ассоциативные связи с неконтролируемым распространением огня, хаосом и разрушением. Тем самым локальные действия России в Крыму вписываются в более широкий геополитический контекст и трактуются как триггер масштабной дестабилизации. Синекдоха *the Kremlin* («Кремль»), используемая для обозначения российского руководства, в очередной раз позиционирует Россию как недружественную и враждебную силу, противопоставленную интересам Запада и несущую угрозу европейской безопасности.

Аналогичный коммуникативный образ, в центре которого Россия — как государство-угроза «сердцу Европы», представлен в статьях других американских СМИ [25; 27]:

The brazen aggression brings the threat of war to the heart of Europe for the first time since the end of the Cold War. The question now is what President Obama and free Europe are going to do about it. («Наглая агрессия впервые после окончания холодной войны несет угрозу войны в сердце Европы. Вопрос теперь в том, что президент Обама и свободная Европа собираются с этим делать»).

One consideration is whether to bolster defenses in Europe in response to Russia's military advances on Ukraine. («Одно из соображений заключается в том, следует ли укреплять обороноспособность в Европе в ответ на военное наступление России на Украину»).

Коммуникативный посыл данных цитат заключается в секьюритизации российско-украинского конфликта и формировании алармистских настроений в отношении намерений Москвы.

Другим важным аспектом трансформации стала архаизация образа России через проведение параллелей с советским прошлым. «Советизация» образа России происходила посредством обращения к исторической фигуре Сталина [19]: *Billboards praising Stalin go up in Russian-annexed Crimea ahead of Victory Day* («В аннексированном Россией Крыму в преддверии Дня Победы появились рекламные щиты, восхваляющие Сталина»). Определение Крыма как *Russian-annexed* («аннексированного Россией») характеризует изменение его политико-правового статуса как незаконное и насильственное, имплицитно отрицая легитимность

крымского референдума. Глагол *go up* («появляться», «вывешиваться») в сочетании с обстоятельством места *in Crimea* указывает на публичный и повсеместный характер прославления Сталина, что работает на создание тревожной атмосферы «ползучей ресталинизации» полуострова. Причастие *praising* («восхваляющие») и упоминание «рекламных щитов» как носителей этого контента усиливают ощущение масштабности и целенаправленности пропагандистской кампании. Примечательно также указание на приуроченность появления этих плакатов ко Дню Победы — центральному идеологическому празднику путинской России. Кроме того, как подчеркивается, образ России связывается с политически и граждански отсталой страной, а ее действия на территории Крыма — «акт XIX века в XXI веке» («It's a 19th century act in the 21st century») [26]. Само противопоставление XIX и XXI столетий работает на актуализацию представлений о линейном характере исторического прогресса и содержит имплицитную отсылку к колониальной политике европейских держав в позапрошлом веке. Тем самым сравнение действий России с практиками XIX в. символически исключает ее из числа современных и цивилизованных акторов, отрицая за ней право на равноправное участие в мировой политике. Лаконичность и обобщенность высказывания усиливает категоричность вердикта и создает ощущение неопровержимости моральной оценки.

Трансформация образа России происходила также через персонификацию и отождествление российского государства с фигурой президента Владимира Путина. Действия России в Крыму и на Украине часто представлялись как единоличные решения Путина, продиктованные его личными амбициями и имперскими устремлениями. В статье *The New York Times* от 6 марта 2014 г. с претенциозным заголовком *Putin's Crimean Crime* («Крымское преступление Путина») президент России изображается как автократический и преступный лидер, стремящийся восстановить величие советской империи: *For Vladimir Putin the break-up of the Soviet Union was the "greatest geopolitical catastrophe" of the 20th century. Everyone has something that makes them tick. Putin's obsession is the restoration of Russia's pride through the restoration of its imperium.* («Для Владимира Путина распад Советского Союза был «величайшей геополитической катастрофой» 20 века. У каждого есть что-то, что его волнует. Одержимость Путина — это восстановление гордости России через восстановление ее имперума») [28]. Акцентирование внимания на «имперских» амбициях Путина способствует созданию образа России как авторитарного государства, угрожающего демократическим ценностям. Характеристика распада СССР как «величайшей геополитической катастрофы» XX в. (в оригинале

эта фраза взята в кавычки, что на коммуникативном уровне позволяет использовать ее как цитату самого российского президента) указывает на неприятие Путиным изменений, произошедших после окончания холодной войны, и его стремление вернуть России былое величие. Употребление эмоционально нагруженного слова *obsession* («одержимость») в отношении идеи восстановления российской гордости создает образ иррационального и деструктивного лидера, готового поступиться нормами международного права ради достижения своих целей. Примечательно также использование архаизма *imperium* («империя») вместо нейтрального *empire* («империя»), что отсылает к древнеримской концепции неограниченной власти и территориальной экспансии. Тем самым стремления Путина вписываются в исторический контекст имперских притязаний, противоречащих принципам национального суверенитета. Предложение *Everyone has something that makes them tick* («У каждого есть что-то, что его волнует») использует разговорное идиоматическое выражение, которое в данном случае тривиализирует мотивы российского президента, низводя их до уровня персональных причуд и комплексов. Как можно утверждать, действия России в Крыму последовательно помещались в контекст «российской агрессии», «имперских амбиций» и «авторитарной угрозы».

Кроме того, как было выявлено, важным элементом коммуникативной трансформации образа России в американском медиадискурсе после присоединения Крыма стало активное использование игры слов, каламбуров и иронии для усиления эмоционального воздействия на аудиторию. Одним из наиболее ярких примеров стала фраза *Putin's Crimean Crime* («Крымское преступление Путина»), которая приобрела вирусную популярность в американских СМИ и социальных медиа. Данный каламбур основан на созвучии слов *Crimea* («Крым») и *crime* («преступление») и несет в себе явный обвинительный посыл в адрес российского президента [28]. Использование подобных языковых приемов способствовало закреплению в массовом сознании ассоциативной связи между действиями России в Крыму и понятием «преступление», а также персонификации ответственности за «аннексию» украинской территории в лице Владимира Путина.

Отдельно в американских СМИ посредством лингвистических средств освещались действия России относительно крымских жителей. Так, в статье от 22 марта 2014 г. подчеркивается: *Some Crimean Ukrainians say they feel under pressure from pro-Russian neighbors and militias loyal to the region's Moscow-backed prime minister, Sergei Aksyonov* («Некоторые крымские украинцы говорят, что чувствуют давление со стороны пророссийских соседей и ополченцев, лояльных поддер-

живаемому Москвой премьер-министру региона Сергею Аксенову») [15]. В данной цитате используется эмоционально окрашенная лексика, такая как *under pressure* («под давлением»), *pro-Russian* («пророссийский»), *loyal* («лояльный»), *Moscow-backed* («поддерживаемый Москвой»). Данные лексические средства создают негативную коннотацию и формируют образ России как угрожающей силы, оказывающей давление на местное население. Использование словосочетания *pro-Russian neighbors and militias* («пророссийские соседи и ополченцы») создает ассоциацию с военизированными формированиями и усиливает ощущение агрессии и принуждения. Упоминание «премьер-министра региона Сергея Аксенова» с указанием на его поддержку со стороны Москвы подчеркивает идею российского вмешательства во внутренние дела Украины. В совокупности данные лексические средства формируют коммуникативный посыл о том, что присутствие России в Крыму носит принудительный и дестабилизирующий характер, угрожая правам и свободам местных жителей. Этой же мысли созвучен и заголовок данного материала, в котором присутствует лексически окрашенное слово *flee* («спасаться бегством»): *Some Ukrainians flee Crimea after Russia's annexation* («Некоторые украинцы бегут из Крыма после аннексии Россией») [15].

В качестве репрессивного государства Россия представлена также и в другом материале американских СМИ, где постулируется мысль об угнетении национальных жителей Крыма после его присоединения [16]:

Elsewhere in Crimea, at least seven other Tatars have vanished since March, including three who had been active in demonstrations calling for the region to remain part of Ukraine. Two of the abducted were later found dead. The others are missing. («В других местах Крыма с марта исчезли по меньшей мере еще семь татар, в том числе трое, которые принимали активное участие в демонстрациях, призывавших оставить регион в составе Украины. Двое из похищенных позже были найдены мертвыми. Остальные пропали без вести».)

Подводя итог проведенному анализу, можно констатировать, что в рассмотренных фрагментах американского медиадискурса используется широкий спектр лексических, синтаксических и стилистических средств, направленных на трансформацию образа России в негативном ключе. Среди ключевых языковых приемов, служащих данной цели, можно выделить:

- 1) использование эмоционально-оценочной лексики для номинации действий России и характеристики ее руководства;
- 2) употребление военной терминологии и эпитетов тревожной направленности для нагнетания алармистских настроений;

- 3) исторические аналогии и отсылки к периоду холодной войны для актуализации конфронтационных нарративов;
- 4) метафоры и идиомы, драматизирующие образ России;
- 5) обобщения и гиперболизацию для создания ощущения масштабности угрозы (*Vladimir Putin's obsession, Russia's intervention* вместо *Putin's intervention* и др.).

Данные языковые средства не только выражают позицию отдельных авторов и изданий, но и служат более широкой цели трансформации общественного мнения в отношении России и ее роли в мировой политике. Через номинацию конкретных действий РФ в Крыму в алармистском ключе и апелляцию к историческим фобиям в сознании аудитории закрепляется стереотипный образ России как авторитарной державы, несущей угрозу либеральному миропорядку. Характерно, что объектом критики становится не только внешнеполитический курс российского руководства, но и сама идентичность России как политического субъекта. Негативно окрашенные эпитеты, метафоры и аналогии работают на делегитимацию «особого пути» РФ и ее притязаний на статус великой державы.

В конечном счете репрезентация крымских событий в американском медиадискурсе преследует цель обоснования и нормализации конфронтационной модели отношений с Россией в глазах западной общественности. Алармистская риторика и отсылки

к прецедентам времен холодной войны служат средством мобилизации антироссийских настроений и легитимации политики сдерживания со стороны США и их союзников. Демонизация образа России как экспансионистской автократии работает на воспроизводство дихотомии «свой-чужие» в международных отношениях и углубляет идеологические и ценностные расколы между РФ и Западом. При этом стигматизация России как государства-изгоя служит оправданием для ее символического и фактического исключения из процесса принятия ключевых решений, определяющих контуры мирового порядка.

Выводы. Подводя итог, можно констатировать, что коммуникативная трансформация образа России в американских СМИ после присоединения Крыма в 2014 г. характеризовалась использованием целого спектра дискурсивных стратегий и приемов, направленных на формирование негативного восприятия действий России и актуализацию устойчивых стереотипов и исторических нарративов, связанных с темой «российской угрозы». Подобная трансформация создает крайне неблагоприятный внешний фон для России, способствует эскалации конфронтации и гонки вооружений, минимизирует шансы на нормализацию диалога между Москвой и Вашингтоном. Она ставит на повестку дня вопрос о выработке более эффективной стратегии публичной дипломатии и информационной политики РФ, способной противостоять демонизированным нарративам и продвигать собственную позитивную повестку.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было [Текст] / Ж. Бодрийяр. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
2. Галумов Э.А. Международный имидж России [Текст] / Э.А. Галумов. — М., 2010. — 549 с.
3. Гордеева О.И. Политический имидж в избирательной кампании [Текст] / О.И. Гордеева // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. — М., 1993. — С. 158–171.
4. Грейдина Н.Л. Метафоризация медийного образа России (на материале английского языка) [Текст] / Н.Л. Грейдина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 94–98. — DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-2-94-98
5. Грейдина Н.Л. Конфликтная и фейковая информация в американском политическом дискурсе [Текст] / Н.Л. Грейдина, В.И. Стулов // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2019. — Т. 8. — № 6. — С. 28–33.
6. Грейдина Н.Л. Медийная агрессия в контексте политической коммуникации (на материале британских и американских СМИ) [Текст] / Н.Л. Грейдина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 102–106.
7. Лисихина М.А. Современный образ России в средствах массовой информации США [Текст] / М.А. Лисихина // Наука и современность. — 2014. — № 29. — С. 108–113.
8. Мащенко А.П. «Русский компонент» образа Крыма в американских СМИ [Текст] / А.П. Мащенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. — 2013. — Т. 26. — № 3. — С. 30–36.
9. Мащенко А.П. Российский Крым в публикациях американских СМИ 2014–2019 годов: технология создания симулякра [Текст] / А.П. Мащенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2019. — Т. 5. — № 4. — С. 240–264.
10. Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. — М.: Паулсен, 2016. — 464 с.
11. Райнхардт Р.О. США и Россия: 210 лет дипломатических отношений и международной коммуникации [Текст] / Р.О. Райнхардт // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2017. — Т. 6. — № 3. — С. 8–14.
12. Сафаргалиев Р.В. Формирование образа России в американских СМИ [Текст] / Р.В. Сафаргалиев // Выпускная квалификационная работа. — Екатеринбург, 2019. — 66 с.
13. Шишканова Ю.С. Образ России в американских СМИ [Текст] / Ю.С. Шишканова // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира: материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции. 2018. — С. 457–460.
14. Филимонов Г.Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России [Текст] / Г.Ю. Филимонов, О.Г. Карпович, А.В. Манойло. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 581 с.

15. Aleksandar Vasovic. Some Ukrainians flee Crimea after Russia's annexation // Reuters. 2014. March 22. URL: <https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crimea-exodus-idUSBREA2L0LU20140322>
16. Annexation of Crimea upends lives of Tatar minority, stirs new fears of searches, kidnappings // 2014. December 9. Fox News. URL: <https://www.foxnews.com/world/annexation-of-crimea-upends-lives-of-tatar-minority-stirs-new-fears-of-searches-kidnappings>
17. Baker P. Making Russia Pay? It's Not So Simple // The New York Times. 2014. March 1. URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/02/world/europe/russia-to-pay-not-so-simple.html>
18. Beware the cornered rat in the Kremlin // The New York Times. 7 December 2011. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/beware-the-cornered-rat-in-the-kremlin-bnkc0p30j2> (дата обращения: 20.04.2024).
19. Billboards praising Stalin go up in Russian-annexed Crimea ahead of Victory Day // Fox News. 2015. April 30. URL: <https://www.foxnews.com/world/billboards-praising-stalin-go-up-in-russian-annexed-crimea-ahead-of-victory-day> (дата обращения: 20.04.2024).
20. Ford Stuart. The New Cold War with China and Russia: Same as the Old Cold War? (англ.) // Case Western Reserve Journal of International Law. 2023. Vol. 55. P. 423–477.
21. Magnay D., Lister T., Sciutto J. Russia's military intervention in Ukraine // CNN. 2014. March 2. URL: <https://edition.cnn.com/2014/03/01/world/europe/ukraine-politics> (дата обращения: 20.04.2024).
22. Michael R. Gordon. A Look at How the Kremlin Slid Into the Chechen War // The New York Times. 2000. February 1. URL: <https://www.nytimes.com/2000/02/01/world/a-look-at-how-the-kremlin-slid-into-the-chechen-war.html> (дата обращения: 20.04.2024).
23. Michael McFaul. The Putin Paradox // The Center for American Progress. JUN 24, 2004. URL: <https://www.americanprogress.org/article/the-putin-paradox> (дата обращения: 20.04.2024).
24. Myers S.L., Barry E. Putin Reclaims Crimea for Russia and Bitterly Denounces the West // The New York Times. 2014. March 18. URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/ukraine.html> (дата обращения: 20.04.2024).
25. Obama: Russia 'on the wrong side of history' // New York Post. 2014. March 3. URL: <https://nypost.com/2014/03/03/obama-says-russia-is-on-the-wrong-side-of-history-in-ukraine> (дата обращения: 20.04.2024).
26. President Obama's foreign policy is based on fantasy // The Washington Post. 2014. March 2. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obamas-foreign-policy-is-based-on-fantasy/2014/03/02/c7854436-a238-11e3-a5fa-55f0c77bf39c_story.html (дата обращения: 20.04.2024).
27. Putin Declares War on Ukraine // The Wall Street Journal. 2014. March 2. URL: <https://www.wsj.com/articles/putin-declares-war-1393773084> (дата обращения: 20.04.2024).
28. Roger Cohen. Putin's Crimean Crime // The New York Times. 2014. March 3. URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/04/opinion/putins-crimean-crime.html> (дата обращения: 20.04.2024).
29. Shanker T., Landler M. Putin Says U.S. Is Undermining Global Stability // The New York Times. 2007. February 11. URL: <https://www.nytimes.com/2007/02/11/world/europe/11munich.html> (дата обращения: 20.04.2024).
30. Greydina N.L. Metaphorization of Russia's Media Image (Based on the English Language). Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 2023, vol. 12, no. 2, pp. 94–98. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-2-94-98 (in Russian).
31. Greydina N.L., Stulov V.I. Conflict and Fake Information in American Political Discourse. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 2019, vol. 8, no. 6, pp. 28–33. (in Russian). DOI: 10.12737/2587-9103-2019-28-33
32. Greydina N.L. Media Aggression in the Context of Political Communication (Based on British and American Media). Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 2022, vol. 11, no. 2, pp. 102–106. (in Russian). DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-102-106
33. Lisikhina M.A. The Modern Image of Russia in the US Media. Nauka i sovremennost' [Science and Modernity], 2014, no. 29, pp. 108–113. (in Russian).
34. Mashchenko A.P. The "Russian Component" of the Image of Crimea in the American Media. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Taurida National University], 2013, vol. 26, no. 3, pp. 30–36. (in Russian).
35. Mashchenko A.P. Russian Crimea in Publications of the American Media in 2014–2019: Technology of Creating a Simulacrum. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 240–264. (in Russian).
36. Mettan G. Zapad — Rossiya: tysyacheletnyaya voyna [The West vs. Russia: A Thousand-Year War]. Moscow, Paulsen Publ., 2016. 464 p. (in Russian).
37. Reinhardt R.O. The USA and Russia: 210 Years of Diplomatic Relations and International Communication. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 2017, vol. 6, no. 3, pp. 8–14. (in Russian). DOI: 10.12737/article_58fda885671132.23223626
38. Safargaliev R.V. Formirovaniye obraza Rossii v amerikanskikh SMI [Formation of the Image of Russia in the American Media]. Graduate Qualification Work. Yekaterinburg, 2019. 66 p. (in Russian).
39. Shishkanova Yu.S. The Image of Russia in the American Media. Dialog kul'tur — dialog o mire i vo imya mira: materialy IX Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Dialogue of Cultures — Dialogue about Peace and for the Sake of Peace: Materials of the IX International Student Scientific and Practical Conference], 2018, pp. 457–460. (in Russian).
40. Filimonov G.Yu., Karpovich O.G., Manoylo A.V. Tekhnologii «myagkoy» sily na vooruzhenii SShA: otvet Rossii [“Soft” Power Technologies in the US Arsenal: Russia's Response]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2015. 581 p. (in Russian).
41. Vasovic A. Some Ukrainians flee Crimea after Russia's annexation. Reuters, 2014, March 22. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crimea-exodus-idUSBREA2L0LU20140322> (accessed 20.04.2024).
42. Annexation of Crimea upends lives of Tatar minority, stirs new fears of searches, kidnappings. Fox News, 2014, December 9. Available at: <https://www.foxnews.com/world/annexation-of-crimea-upends-lives-of-tatar-minority-stirs-new-fears-of-searches-kidnappings> (accessed 20.04.2024).
43. Baker P. Making Russia Pay? It's Not So Simple. The New York Times, 2014, March 1. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/03/02/world/europe/russia-to-pay-not-so-simple.html> (accessed 20.04.2024).
44. Beware the cornered rat in the Kremlin. The New York Times, 2011, December 7. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/beware-the-cornered-rat-in-the-kremlin-bnkc0p30j2> (accessed 20.04.2024).

References

1. Baudrillard J. Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo [The Spirit of Terrorism. The Gulf War Did Not Take Place]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2016. 224 p. (in Russian).
2. Galumov E.A. Mezhdunarodnyy imidzh Rossii [The International Image of Russia]. Moscow, 2010. 549 p. (in Russian).
3. Gordeeva O.I. Politicheskyy imidzh v izbiratel'noy kampanii [Political Image in an Election Campaign]. Tekhnologiya i organizatsiya vybornykh kampaniy: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt [Technology and Organization of Election Campaigns: Foreign and Domestic Experience]. Moscow, 1993, pp. 158–171. (in Russian).

19. Billboards praising Stalin go up in Russian-annexed Crimea ahead of Victory Day. Fox News, 2015, April 30. Available at: <https://www.foxnews.com/world/billboards-praising-stalin-go-up-in-russian-annexed-crimea-ahead-of-victory-day> (accessed 20.04.2024).
20. Ford S. The New Cold War with China and Russia: Same as the Old Cold War? Case Western Reserve Journal of International Law, 2023, vol. 55, pp. 423–477.
21. Magnay D., Lister T., Sciutto J. Russia's military intervention in Ukraine. CNN, 2014, March 2. Available at: <https://edition.cnn.com/2014/03/01/world/europe/ukraine-politics> (accessed 20.04.2024).
22. Gordon M.R. A Look at How the Kremlin Slid Into the Chechen War. The New York Times, 2000, February 1. Available at: <https://www.nytimes.com/2000/02/01/world/a-look-at-how-the-kremlin-slid-into-the-chechen-war.html> (accessed 20.04.2024).
23. McFaul M. The Putin Paradox. The Center for American Progress, 2004, June 24. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/the-putin-paradox> (accessed 20.04.2024).
24. Myers S.L., Barry E. Putin Reclaims Crimea for Russia and Bitterly Denounces the West. The New York Times, 2014, March 18. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/ukraine.html> (accessed 20.04.2024).
25. Obama: Russia 'on the wrong side of history'. New York Post, 2014, March 3. Available at: <https://nypost.com/2014/03/03/obama-says-russia-is-on-the-wrong-side-of-history-in-ukraine/> (accessed 20.04.2024).
26. President Obama's foreign policy is based on fantasy. The Washington Post, 2014, March 2. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obamas-foreign-policy-is-based-on-fantasy/2014/03/02/c7854436-a238-11e3-a5fa-55f0c77bf39c_story.html (accessed 20.04.2024).
27. Putin Declares War on Ukraine. The Wall Street Journal, 2014, March 2. Available at: <https://www.wsj.com/articles/putin-declares-war-1393773084> (accessed 20.04.2024).
28. Cohen R. Putin's Crimean Crime. The New York Times, 2014, March 3. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/03/04/opinion/putins-crimean-crime.html> (accessed 20.04.2024).
29. Shanker T., Landler M. Putin Says U.S. Is Undermining Global Stability. The New York Times, 2007, February 11. Available at: <https://www.nytimes.com/2007/02/11/world/europe/11munich.html> (accessed 20.04.2024).